

Х е л ь Г а
Л а й с

К р о в а в а я
с д е л к а

18+

Хельга Лайс

Кровавая сделка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41339282

SelfPub; 2019

Аннотация

В одном обычном российском городе происходят загадочные убийства, которые не поддаются ни логике, ни расследованию: убийца становится жертвой, как и жертва – убийцей. Денису Грачеву, блестящему полицейскому, предстоит решить столь необычную и жуткую загадку.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	16
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

Стоял тёплый апрельский вечер. Листва на деревьях и клумбах ещё не щеголяла в полной мере, но в воздухе всю царил тот уникальный аромат, свойственный второму месяцу весны, особенно его второй половине Свежий и такой вдохновляющий на желание жить и творить. Ранее днём солнце всё охотнее согревало остывшую за зиму землю, от чего и в тёмное время мало кто кутался в пальто, куртки и ветровки. Люди ожили, уставшие порядком от депрессивного пейзажа с грязным снегом и голыми деревьями на фоне обшарпанных хрущёвок, так свойственного городам на постсоветском пространстве. В этом городе всё было так же, и как и в других: унылые жилые массивы, резко контрастирующие с одноэтажными домами, слепленными после затяжной великой отечественной войны на скорую руку; разбитый асфальт на дорогах и тротуарах; горы мусора и затрапезный центр, где по вечерам и выходным кипит жизнь. Хорошая часть из полумиллиона местных жителей считала, что им – неплохо, а другая – ругала и уезжала в места получше.

– Черт побери! Валим, копы едут! – доносился до Максима, как сквозь пелену, пронзительный крик одного нападавшего из местной банды. Трое членов, казалось, избивали его целую вечность, настолько изощрались на нём. Если бы не сирены с полицейских машин, оружие издали, одной

досадной смерти нельзя было бы избежать. Но даже позорный побег «доброжелателей» не принёс ему ожидаемого облегчения. У избитого складывалось впечатление, что болит каждая клеточка в теле, каждую часть которого касался тупой носок грубых башмаков. От боли даже захватывало дух. Дыхание только усиливало мучение. Перед глазами плясали огни от вывески бара, словно издеваясь над несчастным лежащим.

– Вы в порядке? – склонился над Максимом молодой полицейский с фонариком в руке, которым беспардонно светил прямо в лицо. Глаза невольно зажмуриваются.

Максим хотел что-то выдать из себя, однако ответом полицейскому послужил сдавленный стон, который едва ли можно было услышать в таком шумном месте: машины носились мимо по дороге, из бара доносилась музыка, вдалеке смеялись подвыпившие девушки.

– Он жив! – крикнул кому-то сочувствующий служитель закона. – Ему нужна медицинская помощь! Немедленно! – это было последнее, что услышала жертва у бара «3 отвёртки», перед тем, как потерять сознание.

Глава 2

Три дня спустя, в том же городе, точнее, на окраине, где располагались новые возведённые кварталы с частными домами, произошло очередное прошествие.

– Господин Грачев, держите себя в руках! Вы ей ничем не поможете, – пытался остановить своего начальника, который рвался сквозь оцепление, лейтенант Андрей Бобров.

– Хоть там моя жена, но это ещё не повод не давать мне пропуск! Если Вы не хотите быть уволенным, то я вам рекомендую пропустить меня! – процедил сквозь зубы Денис Грачев, с вызовом глядя на подчинённого. Ему не пришлось долго ждать нужной реакции. Андрей очень ценил своё место, и ему не хотелось терять его из-за подобного пустяка, если можно таковым считать гибель женщины. Ведь кто здесь начальник? Да и какое право он имеет решать за кого-то, особенно в вопросах семейных трагедиях? Капитуляция оказалась молниеносной и безоговорочной.

Подойдя к самому эпицентру жуткого происшествия, Денис, даже обладая богатым полицейским опытом со всей чернухой, едва не упал на колени перед своей мёртвой изувеченной женой. То были незнакомые ему люди, а то та, которую он целовал, обнимал, любил... Эта женщина ещё сегодня утром весело щебетала мужу о том, что неплохо было бы взять совместный отпуск и съездить в какую-нибудь ев-

ропейскую страну. Даже рассматривался вариант с Парижем и Римом – города, полные уникальной атмосферы, шарма и легенд. Отвлечься там от всех житейских проблем, в том числе и от той, которая касалась их совместной единственной дочери Милены. Милена несколько месяцев назад гордо заявила родителям, что она устала от родительской опеки, и ей хочется пожить отдельно. Вдобавок отказалась от материальной помощи, мотивируя тем, что ей самой давно пора зарабатывать себе на жизнь.

Если Грачев спокойно принял столь серьёзное решение: как-никак, а ей стукнуло двадцать. За плечами – диплом бакалавра по менеджменту. То Сара испытала такой стресс, что едва не попала в больницу с нервным срывом. Ей постоянно мерещилось, что любимой дочери грозит опасность: сказывалась многолетняя жизнь с человеком, который с головой погряз в криминальных делах. Чтобы помочь ей оправиться от вероломства дочери, Денису пришлось перекладывать большую часть своей работы на Андрея, чего он раньше себе не позволял, так как считал «Хочешь, чтобы было сделано хорошо – сделай это сам!». Делалось это для того, чтобы быть с женой как можно чаще и дольше, и не вскакивать из дому по каждому вызову. Однако тому рано или поздно пришлось бы случиться. Подчинённый, сам того не ожидая и вопреки опасениям начальника, нигде не схалтурил, раскрыв в одиночку несколько важных дел. Тем самым заслужил уважение чересчур требовательного и придирчивого Грачева.

И вот они стоят сейчас у тела, которое лежало в луже собственной крови. Оно было настолько обезображено, что не подлежало поверхностному опознанию. Только любимая Сарой позолоченная брошка в виде цветка с пятью лепестками, приколотая на красном закрытом платье, выдавала верную жену Дениса.

– Денис, держись... – с сочувствием сказал ему коллега полковник Матвей Вдовин из участка, который располагался в этом районе, по совместительству бывшим им соседом по дому.

– Как это произошло?! – едва не крича от желания мстить и умереть, спросил новоиспечённый вдовец. Моложавое доселе лицо обезобразилось гримасой боли и нежелания верить в худшее. Прядь едва тронутых сединой тёмных волос болталась перед его влажными глазами, наполненных безграничной болью.

– Свидетели утверждают, что автомобиль, который вела Сара, ехал на немысленной скорости. И...

– Она не могла! Слышишь?! Не могла так сделать! Спешить ей не было куда! Более медленного и осторожного водителя я не знаю!

– Я понимаю твоё горе, но ты ведь сам видишь... Машина врезалась в дерево не от черепашьей скорости. Возможно, отказали тормоза, – «такое бывает» – едва не добавил коллега, понимая неуместность тех двух невысказанных слов.

– Матвей, клянусь, здесь что-то нечисто! Я это докажу!

– Хм, знаешь что? Иди домой, завтра разберёмся. В таком состоянии ты не способен объективно мыслить. Мы здесь сами...

Грачев, не выдержав, заехал кулаком по лицу Матвея. Тот, не ожидав нападения, едва не упал. Он держался руками за нос, из которого шла кровь, и оторопело ругался:

– Ах ты – скотина! Да тебя в психушке ждут! Черт, если ты сломал мне нос, то ты будешь оплачивать лечение! Я уже не говорю о моральном ущербе.

– Да пошёл ты! А ты чего опять меня держишь?! Больно мне надо драться с этим идиотом! – налетел Денис на Боброва, схватившего за руку выше локтя. Андрей, работавший с ним более пяти лет, знал, что шеф имел склонность легко выходить из себя, как и тут же успокаиваться. По этой причине он ослабил схватку, но не спуская, на всякий пожарный, внимательного взгляда. Однако гроза минула. Грачев, усевшись в своём служебном автомобиле, ещё 10 минут наблюдал за полицейской возней, после чего уехал куда подальше от этого места, не в силах возвращаться сейчас в опустевший дом.

Вывеска «3 отвёртки» ярко освещала вход и дорогу к нему, словно здесь пару дней назад не произошло никакого несчастного случая. Бар стоял в отдельном одноэтажном здании в достаточной удалённости от жилых домов, дабы избежать жалоб со стороны жителей городка. И любому первому приблудившемуся становилось не по себе от того, что

вокруг бара сплошные деревья, чьи нестройные ряды нарушала ровная по причине не столь давней прокладке дорога.

Грачев тут же вышел из машины, как только она встала у обочины, полной трещин на асфальтовом покрытии и мелкого мусора вроде бычков. Он шёл прямо к проходу бара с отупевшим от горя взглядом. Проход был в передней части здания. Охранник, стоявший там, подозрительно покосился в сторону необычного посетителя, но ничего не сказал, любезно пропуская внутрь. Грачеву было всё равно на него, так как он целиком погрузился в переживания. Грудь словно распирало от горя, и он желал, чтобы сердце перестало биться. Самому наложить на себя руки ему не позволяла вера покойной жены в ад и прочую шелуху для религиозно настроенных. Однако вопреки упрямому скепсису, подобный шаг рассматривался как вероломное предательство. Правда, он по дороге с усмешкой думал, что ему в любом случае не светит встреча с женой на том свете. Она – слишком святая, он же – не разделял её принципы. На его счёту даже есть несколько трупов. Правда, те были заядлыми преступниками, и сами не гнушались убийством парочки полицейских. Он при всей своей ненависти не собирался их убивать, но во время засады не приходилось выбирать. Но станет ли некий апостол так углубляться в детали? Наверное, вряд ли.

Внутри большого бара играла музыка, столь далёкая от консервативных предпочтений почтенного полицейского, не менявшихся с далёких лет навеки ушедшей юности. И всё

же, она не занимала его ум, несмотря на громкость, способную выбить барабанную перепонку у неподготовленного посетителя. Всё, что Грачеву требовалось – это несколько стопок с содержимым с высоким градусом. Водка, коньяк, кальвадос – не имело никакого значения. Лишь бы забыться на недолгое время, иначе вот-вот местная психушка рискует пополниться пациентом за его счёт.

Бармен, годящийся ему в сыновья по возрасту, но не по внешности, напрягся, так как имел приблизительное представление о том, кто уселся прямо перед ним. После зверского избиения одного из посетителей полиция здесь достаточно прошлась, сведя на нет попытки работать со стороны персонала на прежний лад. Он дежурно усмехнулся и спросил, стараясь не выдавать волнение вкупе с раздражением:

– Добрый вечер, чем могу помочь?

– Налей чего-нибудь, да покрепче!

Лицо бармена не изменилось в выражении. Однако заказ пришлось выполнить, оставив при себе желание послать к черту. В этом городишке не так легко найти работу, так что ему не один год пришлось тренировать выдержку.

Грачев не замечал того, что своим появлением навёл смуту. Его ничего не волновало, кроме заказа. Несмотря на пока еще трезвую голову, он являл собой противоположность: ниспадающие на сморщенный лоб пряди волос, ни на чем не задерживающий взгляд, резкие движения, испачканный в грязи и крови костюм.

Выпив залпом один стакан, не поморщившись, он потребовал ещё одну порцию.

Спустя изрядного количества выпитого вместо желаемого забытья, Джеймс лишь сильнее стал ощущать как его одолевает невыносимая скорбь.

Они с Сарой прожили больше двух десятков лет, и как у всех, у них происходили и конфликты и минуты взаимного счастья. Джеймс никогда не помышлял о том, чтобы глянуть на другую женщину, насколько безграничной была его любовь к погибшей. Даже в последние годы, несмотря на угасшую страсть, уступившую место взаимному уважению, они не представляли свою жизнь друг без друга. Денис принимал свою семейную жизнь, как вечную данность. Он ясно представлял, как уйдёт в отставку и снимет дом на берегу реки, где будет наблюдать закаты с благоверной. Столь милая и не очень оригинальная мечта умерла вместе с Сарой.

Хоть работа Грачева считалась одной из самых опасных: если тебя не прикончат на месте поимки, то могут отомстить любым другим доступным способом, он не был готов к тому, что не умрёт в один день с женой, держась за руки. Но Сара, которая работала медсестрой, опередила его. Такая мирная и полезная для общества профессия, не то, что быть служителем закона, для которого слово «риск» – не пустое слово, а вынужденная обыденность.

Кто-то резко потряс его за плечо. Денис обернувшись, поморщился, словно увидел невиданное чудовище, которыми

так изобилуют дурацкие фильмы ужасов. Мелкие тупые глаза, сжатые тонкие губы и вздёрнутый нос терялись на квадратном лице. Сверху торчали постриженные под армейскую причёску тёмные волосы. Больше впечатлял рост – казалось, он не меньше двух метров, что даже Грачев, будучи и сам не карликом, невольно напрягся. Нечто наконец-то пробасило:

– А я Вас знаю! Вы же коп! Вот это встреча! Какими судьбами занесло сюда?

– Отвали. – Флегматично отвернулся от него Денис, перед которым стояла очередная порция. Не успела его рука взяться за очередной стакан, так его тут же выбили из табуретки на грязный пол.

– Ну уж нет! Поговорим на равных! – руки парня то сжимались в кулак, то разжимались. Костяшки на толстых пальцах показывали, что драться для него – сущий пустяк на постоянной основе.

Грачев оторопело вставал с липкого пола, чувствуя боль в копчике и левом локте. Этого парня он не помнил, от чего задал логичный вопрос:

– Чего тебе от меня надо? Напрашиваешься на ночь в кутузке?

Жёлтые зубы заскрежетали, а глаза стали ещё мельче в прищуре.

– Это чего мне надо? А вот что мне надо! – и тупой носок одного из тяжёлых ботинок прицелился в незащищённый живот едва присевшего Грачева, чья реакция из-за выпитого

стала медленной и невпопад. Он не успев даже толком сесть, вновь упал, но уже хватаясь за ушибленное место. С таким громилой ему в одиночку не справиться.

– Эй, ты что творишь? – донеслось из самых глубин барной стойки, когда умокла на несколько мгновений музыка. – Мало мне было тут полицейских за три дня!

– А как он посмел сунуть сюда свой огромный нос? Из-за чертовых копов мой брат в коме второй год!

– Он сам напросился! – голос бармена становился всё жёстче, от чего у Грачева сквозь боль возникло некое восхищение его храбростью. – Сейчас помоги встать ему и извинись! Неприятности мне так же нужны, как тебе....

– Я не стану извиняться. – Прервал его бугай, но уже со спокойным тоном.

– Тогда я тебя уволю, и тебе нечем будет оплачивать уход за твоим братцем.

Здоровяк, поджав хвост, протянул свою огромную руку Грачеву. Тот не мог встать без посторонней помощи, так как из-за того, что он давно не напивался, координация отказывалась подчиняться ему. Вдобавок разнылся локоть. Поэтому он не стал отказываться от помощи, хоть и обидчика.

Пьянство Грачева продолжилось. Громила отошёл в сторону, изредка бросая взгляд исподлобья на безутешного полицейского. Тот его не замечал, погружаясь в свою спасительную попойку. Домой Грачев попал только в три часа ночи и на такси. Машину пришлось оставить у бара. В родных

стенах его ожидала пустота и зверский холод: в гостиной и на кухне были распахнуты настежь окна. От места смертоносной аварии осталось единственное напоминание в виде вмятины на крепком стволе дерева.

Грачев упал на диван в гостиной, не найдя в себе ни силы ни желания идти в спальню, которую делил с погибшей. Он накрылся своим же грязным пиджаком и через несколько минут громко захрапел.

Глава 3

Белый потолок с двумя длинными лампами, по которому скользили солнечные лучи – первое, что увидел Максим по пробуждении. Не понимая, что происходит, он помотал головой с закрытыми глазами из стороны в сторону, словно это могло ему чем-то помочь. Мысль о том, что он лежит в больничной палате, казалась слишком абсурдной. Вот лежал себе под открытым ночным небом, а теперь – вот, непонятно где и зачем. Ах, его же зверски избили.

– Привет, братишка! – внезапно услышал Максим из уст младшей на 7 лет сестры. – Ты так долго выкарабкивался, что я начала побаиваться, что ты...

Девушка запнулась, когда Максим обратил на неё смутный взор, и опустила голову со светло-русыми волосами до плеч. Хоть Максима переполняло гадкое ощущение из сухости во рту и сильной боли в нескольких местах, но мимо его внимания не прошло незамеченным то, что любимая сестра стала тихо плакать. Ладони скрывали её хорошее личико, а осанка сгорбилась, как у старушки.

– Ну, что ты! Лера, всё же в порядке... Где доктор?

– Вот я глупая! – воскликнула та, и хлопнула себя по лбу ладонью, – он же приказал мне позвать тебя, как только ты очнёшься! А я сижу и развожу сопли.

Кончик тонкого носа и серые глаза девушки алели, как и

пухлые губы. Девушка словно устыдившись своей ранимой натуры, быстро покинула палату. Максим остался один в палате. Теперь он старался осмыслить происходящее. «Руки и ноги вроде шевелятся» – подумал он с удовлетворением, – «значит, калекой не останусь». Это означало хуже смерти, ведь Лере пришлось бы всё бросить и ухаживать за ним долгие годы. Но всё обошлось.

Максим поймал себя на мысли, что ему душно. Из открытого окна веяло тёплым воздухом, даже жарким, хотя солнца не было видно за серым небом. Да и Лера была в лёгком сарафане... Ровный высокий лоб молодого человека покрылся испариной. Сколько же времени прошло? Для конца апреля это слишком, а значит... Он не решился продолжить свою догадку.

Ждать доктора и сестру не пришлось слишком долго. Вскоре в палате появился высокий мужчина с идеально уложенными на косой пробор тёмными волосами и гладко выбритым лицом. Улыбнувшись, тот продемонстрировал, что при наличии актёрских способностей он мог бы посоревноваться с самим Джорджем Клуни.

– Мои поздравления! Ваш приход в сознание для нас сродни чуду! Сегодня стоит считать, простите за тавтологию, вашим вторым днём рождения.

Максим узнал, что пребывал в пограничном состоянии между жизнью и смертью почти три недели: нанесённые ему увечья вылились в повреждения внутренних органов, от че-

го произошло кровотечение. Произошло падение в кому, и сестру готовили к тому, что она останется ещё и без брата, которым был ей и опекуном.

– Позавчера у вас случилась клиническая смерть. Вы были мертвы целых три минуты. Как только мои коллеги решили, что пора констатировать неизбежное, так Вы тут же ожили. Заставили же Вы нас понервничать.

Слушая доктора, Максим едва мог поверить его словам. Да, избили его сильно, но чтобы так... ему касалось, чтобы умереть – требовалось более серьёзное.

Когда доктор покинул палату, взяв с Леры обещание покинуть пациента через двадцать минут. Она воспользовавшись этим, рассказала, что жила у дяди, но мечтала, чтобы брат пошёл на поправку. Максиму стало стыдно, что лишил любимую сестру душевного спокойствия, особенно в пору последних школьных будней со всеми контрольными. Но заверила, что стойко всё сдала, не оставив учителям повод огорчаться её успеваемостью.

Доктор не спешил давать разрешение на выписку, приговаривая, что Максим был слишком плох, чтобы скоропалительно возвращаться в родные пенаты. Только спустя неделю тщательного осмотра он соизволил дать желаемое добро.

Домой Максим возвращался с чувством всепоглощающей радости. Хоть в сознании он провёл в больничных стенах около дополнительной недели, но они его порядком утомили своим унылым видом. К тому же Лера не могла каждый

день баловать его посещением, потому что ей следовало готовиться к экзаменам для поступления в колледж. Но и без этого сестрёнке нечего мотаться по больницам и засиживаться у дяди. Не омрачало радость и слишком тёплая одежда для мая; Максим был весь мокрый, когда дошёл до двери квартиры.

Лера не сдерживала улыбки, когда они подошли к входной двери их квартиры, которую Максим купил год назад. Жилье не представляло собой голубую мечту: квартира находилась в девятиэтажном доме не с самым лучшим видом из окон: старые деревья, неухоженная клумба, покошенные скамейки и несколько таких же безликих серых домов. Но после бесконечных съёмных жилищ, они не смели морщить носы. Лучше такое, но своё на отшибе города, чем чужое, но с видом на леса или водоёмы.

– Дом, милый дом, – пропела Лера, помогая брату войти.

Удивительный эпитет для этого неприглядного жилища с тремя комнатами. Мебель здесь стояла лишь самая необходимая: небольшой диван, два кресла и один на половину пустой шкаф в гостиной. На кухне пара шкафчиков и стол с четырьмя табуретками. В спальне у каждого одна тумбочка, кровать и шкаф. У Леры ещё стоял письменный стол, за которым делались уроки. Никаких штор, книг, ковров, сувениров. Единственная роскошь – это один на всех телевизор в гостиной и личные ноутбуки. Одежда – та, которую можно уложить в чемодан. Любого, кто переступал порог этой квар-

тиры, брала оторопь. Складывалось впечатление, что его жители только и делают, что собираются на выход. На уют здесь не было и намёка.

Максима по-прежнему не покидала слабость во всём теле, но он однозначно не замечал трудностей пути от больничной палаты до порога дома. Сестра помогла ему усесться на диване в гостиной.

– Ты что-то хочешь?

– Нет, спасибо, можешь заниматься своими делами.

Она посмотрела на него с лёгким недоверием. Но потом убедившись, что никто не шутил, чмокнула его в щеку и отправилась к себе.

Сидя, Максим намеревался включить телевизор, но кнопки на пульте не срабатывали. Ему не хотелось тут же отрываться Леру от ее девичьих дел, и поэтому он уставился на фото в рамке, стоящее на безмолвном телевизоре. На снимке были запечатлены он с сестрой и родители, погибшие 6 лет назад при пожаре семейного дома.

– Вставайте сейчас же! Мы горим! – отдавался из коридора эхом крик отца в голове Максима. Едва подняв сонных детей из кроватей на ноги, он стал их выводить сквозь густой дым. Всем троим пришлось нагнуться и прикрыть головы, так что путь они пересекали на ощупь. В горле першило, а глаза закрывались от жжения и слез. Лера, идущая сзади, вцепилась в футболку брата, а тот в свою очередь двигался самым первым.

Наконец-то показался вход во двор, и дети едва понимающие, что к чему, жадно вдыхали прохладный августовский воздух.

Однако только спустя несколько минут до Максима дошло, что не видно ни отца, ни матери. Рядом с ним стояли собравшиеся соседи из ближайших домов. Пожарных всё ещё не было. Ему стало нехорошо от предчувствий.

– Где отец? Он же выводил нас из дому... – спросил он шёпотом, и поэтому никто не ответил ему. Шум от пожара, уничтожавшего всё дорогое сердцу, заглушила сирена от машины с пожарными. Никто не бросался внутрь, но каждый стоял и наблюдал как заворожённый, как пламя пожирает внутренность дома, построенного из красного кирпича. Ощутимый ветерок дул против передней части дома, и поэтому никто из наблюдающих не рисковал задохнуться в опасном дыму, который совершенно не думал униматься.

– Поздно... – с ужасом осознал Максим, глядя на то, что тушить по сути стало нечего. Крыша, не выдержавшая борьбы со стихией, рухнула.

Лиза прижалась к ошеломлённому брату, пряча лицо в футболку.

– Макс, а мама и папа там?

Пожав плечами, чтобы сестра не закричала от потрясения, он понимал, что всё осознает. Их больше нет. Ему ещё в школе поведали, что при пожарах умирают сколько не от ожогов, сколько, в первую очередь, от дыма, смертельного для всего

живого. Глаза предательски стали увлажняться. Не хотелось смотреть Лере в глаза, чтобы сообщить, что они остались без родителей. Ему ещё не исполнилось семнадцать, и школу не окончил. А ей и того пошёл всего лишь первый десяток. Они – одни на всём белом свете.

Их грозились отдать в детский дом, но на помощь пришел дядя со стороны отца. У него и жены были свои дети. Две дочери примерно возрастом Леры. Но что он, что сестра – оба они чувствовали себя лишними в новой семье, почти что лишь гостями, которые имели наглость задержаться дольше, чем на пару дней.

Трагические события совпали с последними месяцами учёбы в средней школе. Мечты о получении желанного высшего образования пришлось забыть: Максиму некогда было протирать штаны как ни в чём не бывало, когда тебе пора заботиться о себе, не надеясь на излишнюю доброту дяди. Тот никогда ничем не намекал на то, что его стесняют ново-явленные члены семьи, но едва скрываемая злоба от жены и дочерей не вселяла благотворную атмосферу. Поэтому Максим подал на заочное по неинтересной ему специальности, но в доступной форме. И одновременно не мешкая, принял-ся хвататься за любую работу, связанную со строительством, потому что отец имел опыт работы в этой сфере. И покой-ный старался приобщить к делу взрослеющего сына, кото-рый в общем-то не уклонялся. Появились деньги – появилась уверенность в себе и в свои силы. Дядя, конечно, не возра-

жал против работы племянника, даже поощрял, считая, что тот таким образом становится мужчиной. Но Максиму пришлось пожертвовать друзьями, в которых теперь виделись невольные виновники в гибели родителей, а также и развлечениями – сказывалась нехватка времени.

Дня совершеннолетия Максим ждал с таким же вожделем, как прежде – какой-нибудь праздник, суливший подарок. Возраст, обещавший подарить независимость от дяди и освобождение от боязни оказаться в детском доме. А ещё он намеревался забрать Леру. Сестра не раз твердила ему, что в этом доме она – чужая и никто её не любит.

– Ну, почему же? Дядя вроде рад нашему присутствию, да и меня не забывай, я твой защитник.

Лера озабоченно опускала голову, а губы поджимались.

– Да, но эти... Они не принимают меня, словно я порчу им жизнь. Саша позавчера разлила чай на мою домашнюю работу. Мне поставили двойку. Я думаю, что она специально так сделала.

– Почему ты так решила?

– Да потому что с чего бы ей приносить мне чай? Разве что только подложить мне свинью!

– Ты преувеличиваешь.

Но увы, Лерины неприятности на этом не закончились. Сёстрам понравилось, что Лера не имеет возможности пожаловаться (Максима они не принимали всерьёз), чем и пользовались. Дырки на колготках, разлитая паста из ручки в

рюкзаке, измазанные джемом учебники – лишь малая доля из тех гадостей, что они учиняли над беззащитной девочкой. Они настолько обнаглели, что даже брату становилось ясно, что некогда чистоplotная Лера не способна чинить самой себе каверзы. Бричем понимание коснулось даже дяди, но что тот мог противопоставить жене? Та могла пожаловаться в органы опеки с целью не допустить того, чтобы на репутации дочерей легло пятно хулиганок.

И вот, будучи уже взрослым по паспорту, Максим сидел рядом с дядей, пока женская половина ходила в продуктовый магазин, и осторожно заходил издалека.

– Дядя, у меня серьёзный разговор, поэтому мне важно, что вы меня выслушали.

– Конечно, Макс. Всегда готов выслушать.

Несмотря на добродушный тон и улыбку на круглом лице дяди, Максим едва собирался с духом.

– Мне неделю назад исполнилось 18, я работаю, а учусь и того дольше. Деньги у меня водятся...

– Ты хочешь съехать от нас? – лицо дяди посерьёзнело, но Максим решил, что дело стоит довести до конца.

– Да, я и так достаточно стеснял вас и вашу семью...

– Кто сказал тебе, что ты нас стесняешь?

Максим подавил в себе желание ответить по поводу его жены и избалованных девочек, неужели ему самому неочевидно их отношение? Или это такой тонкий ход с целью показать, что дядя дорожит осиротевшими племянниками?

– В глубине души понимаю, не скрывайте этого. Я благодарен за проявленную доброту и помощь.

– Не стоит благодарности! Вы = дети моего брата. Ох, как же рано он ушёл...

Увлажнившиеся глаза не давали повода для сомнения в искренности его слов. Макс не лукавил, когда выражал благодарность от всего сердца. Ведь бывали такие случаи, когда дети попадали не в семьи родственников. Лучше уже худое отношение от некоторых членов, нежели влачить годы или месяцы в казённом доме с непредсказуемым обществом.

– Я готов к взрослой жизни. То есть, не так. Я давно убедился и вам доказал, что умею зарабатывать неплохие деньги, параллельно совмещая и учёбу. Поэтому завтра я съезжаю на съёмную квартиру.

– Что ж, я уважаю твой выбор жить отдельно.

В дядином голосе слышалась обида. Максим решил продолжать гнуть свою линию.

– И я хочу чтобы Лера жила со мной.

Дядя не глядя на Макса, встал и стал прохаживаться по комнате. Он то и дело касался гладко выбритого подбородка.

Максим и не ожидал, что ему сразу же дадут добро на столь смелую затею: ведь только недавно он сам был ребёнком. Поэтому с его стороны не доносилось никаких признаков нетерпения или желания убедить во что бы не стало.

Дядя вновь сел на своё место.

– Ты понимаешь, что я являюсь опекуном, не так ли? Я

взял на себя обязательство перед органами опеки, что воспитаю девочку лично. И мне не в тягость, ты не думай так.

– Но Лера лучше жить с родным братом...

– Я всё понимаю, но и ты подумай. Ты только вступил на тропу взрослой жизни, но время и неопытность играют против тебя. Если я дам разрешение на то, чтобы ты взял Леру с тобой, ко мне заявятся и её вообще у нас отнимут. Ты же не хочешь, чтобы твоя сестра росла в детском доме? Вызволить оттуда будет не очень просто.

– Не хочу, конечно.

Максим, несмотря на разумные доводы, поник. У него была свобода, но что с неё, если Лера останется одна среди этих гадких девчонок. Скоро эти должны вернуться домой.

– Я пошёл собираться.

Дядя кивнул, неотрывно провожая взглядом поникшую фигуру племянника.

Когда Лера вернулась домой, её настроение нельзя было назвать хорошим: девочки поддразнивали, пока мать увлечённо рассматривала упаковки продуктов. А потом из неё сделали служанку, нагрузив её двумя увесистыми пакетами. Тётя считала, что Леру стоит держать в ежовых рукавицах, и это был один из её методов воспитания.

Когда дядя сообщил, что Максим съехал буквально за пять минут по прихода женской части семьи, Лера едва устояла на месте. Поймав ухмылки на противных лицах его дочерей, она почувствовала, что земля будто уходит из-под ног.

В эту минуту Макс превратился в предателя, бросивший её одну в террариуме.

Максим появился на пороге дяди через месяц. Лера к тому времени уже свыклась со своей незавидной участью. Если бы не дядя, не скрывавший своего доброжелательного к ней отношения, то она бы сбежала куда глаза глядят.

Девочка не подбежала к брату, когда он вошёл в комнату, которую она делила с дражайшими «сёстрами». Те как раз находились в своих кружках, когда как ей следовало сделать домашнюю работу. Максим испытывал угрызения совести, что так просто взял и ушёл, не попрощавшись с ней, не говоря уже о том, что он не пытался ей объяснить сложившуюся ситуацию.

– Лера, привет. Как дела?

Обычное начало для разговора было положено, но Максиму это стоило мужества. Но девочка продолжила хранить гробовое молчание, водя ручкой по тетради. Игнорируемый решил, что пора приступить к плану «б»: он вытащил книгу с яркой обложкой, специально для таких читательниц вроде Леры. Он положил подарок на стол рядом с учебниками так, чтобы сестра точно увидела его. Та словно не замечала, продолжив писать и не поднимая головы.

Макса обдало краской от нахлынувших чувств. Никогда она с ним так себя не вела. До него дошёл весь масштаб обиды сестры.

– Лера, да почему ты так ведёшь себя?

Девочка словно ждала этого вопроса. Она положила ручку рядом с тетрадью и повернулась к Максиму. Её глаза пылали гневом сквозь слезы, тёкшие против её клятвы самой себе держаться.

– Да потому что ты бросил меня одну здесь! Я тебе надеялась, да? Тогда зачем пришёл? Уходи туда, откуда заявился!

– Глупая, я хотел взять тебя с собой! Но я не имею на это право, потому что только дядя является твоим опекуном. Мне никто не разрешит оставить тебя у себя.

– Не верю! – девочка закричала, после чего она отшвырнула со стола отвергнутый подарок брата.

Максим бросился успокаивать. Она сопротивлялась братским объятиями, стуча по его бокам кулачками. Тот продолжил оправдываться, в то же время умом понимая, что Лере не станет от них легче.

– Если хочешь, я договорюсь с дядей. Я буду забирать тебя на выходные, а дальше поглядим. Но насовсем, увы, никак.

Девочка ничего не ответила, но она перестала отпираться. Когда Макс освободил её, она села на краешек своей кровати, будучи уже немного успокоившейся. Если она и молчала, то в словах и так не было надобности. Она в глубине души радовалась хоть такому варианту. Хотя бы на выходных можно не видеть этих заносчивых дурочек.

Опекун не стал возражать, так как видел, что племянница совершенно ничему не радовалась и превратилась в тень самого себя.

Так продолжалось пять лет. Макс много работал, особенно после получения уже не столь важного образования. Итогом многолетних лишений стала покупка собственного жилья.

Сколько всего пришлось пережить Максу и сестре, дабы выбить у опекунского совета разрешения на то, чтобы теперь уже девушка могла жить с братом под одной крышей. Те, кто выносил судьбоносное решение если бы и хотели им отказать в положительном решении, вряд ли могли найти к чему придраться. Ни одного привода в полицию, неустанное трудолюбие, стабильный доход, рекомендации от дяди и его жены, которой не терпелось избавиться от лишнего рта.

И вот теперь едва получив желанное семейное воссоединение, Максим чуть не разрушил многолетние усилия.

Когда Лера заглянула в гостиную, она застала брата спящим в сидячем положении. Накрыв его принесённым одеялом, она выключила свет. За окном изредка пробивалась сквозь чёрные облака полная луна.

Глава 4

– Макс, просыпайся, сейчас же! – донеслось сквозь густую пелену сна испуганный голос Леры. Кое-как проснувшись, озадаченный её вмешательством, он протёр глаза. За окном стояла полная темнота, и в гостиной, где он задремал, свет исходил только от настенной лампы из коридора. Поскольку сестра стояла спиной к коридору, то её лицо едва ли можно было разглядеть, но Максиму оказалось достаточно и голоса, чтобы встревожиться и скинуть с себя остатки сна.

– Лера, зачем ты меня разбудила? Который час?

– Разве ты спал? Мне показалось, что ты умер!

Максим снова протёр глаза и включил телефон, лежавший в кармане его брюк. Ярким экраном он осветил стоящую над ним Леру. Бледное лицо и гримаса страдания свидетельствовали в пользу того, что она не разыгрывала глупый дешёвый спектакль. Ей вообще не свойственно заниматься всякими шалостями. И тем не менее, он не был уверен в том, что услышал. Умер?

– Что ты хочешь этим сказать?

Лера сбивчиво поведала ему обо всём, что могло привести ее к такому ужасному выводу. Ее голос то и дело срывался, но суть всё же была уловлена. Девушка шла на кухню за стаканом воды. По пути к ней пришла идея, проверить как там брат. При смутном свете она заметила что-то странное.

Оказывается, Максим лежал с открытыми глазами и не шевелился. На сильные толчки и громкий голос он не реагировал. Лере показалось, что брат таки умер, и тому было имелось веское основание так думать: вдобавок он не дышал. Так продолжалось то ли минуту, то ли дольше, но достаточно чтобы решить, что прошла целая вечность.

– Я было подумала, что всё... нет у меня брата! Мало мне было нескольких тревожных недель!

Леру трясло в сильных рыданиях. Максим встал с дивана, чтобы обнять. Ему особо нечем было её успокоить. Услышанное ошарашило его, но он решил не подавать виду.

– Не надо так паниковать, я не знаю, что это было, но со мной всё в порядке. Даже не болит ничего.

Лера подняла на него красные от слез глаза.

– Может, ты меня так разыграл? И убери свой телефон, от его света у меня болят глаза!

Максим послушно убрал телефон. Его настолько позабавило такое предположение, что не сдержал свой невольный смешок. Лера вскочила, как ужаленная, уже с сердитым выражением лица.

– Ты – чудовище!

И убежала, закрывая уши, когда в её сторону полетели невнятные оправдания: «Да нет, просто это нервное! Это не был розыгрыш! Я вообще не понимаю, что это было».

«Ладно, завтра поговорю с ней» – решил Макс, чувствуя себя слишком обессиленным, чтобы продолжать попытки

доказать ей. Доказать что? Да, ему и в голову не пришло бы так жестоко пошутить над сестрой. Но что тогда с ним произошло? Нельзя же полагать, что сестра спятила на почве напряжённого периода, полного надежд и отчаяния.

Вот он лежал на диване, предаваясь воспоминаниям об их общем трагическом прошлом. И потом, кажется, им овладел сон... Провал, а затем – испуганное лицо сестры.

Такое с ним впервые. Он считал себя достаточно чётко осознающим реальность, и поэтому подобный инцидент не мог не вселить чувство тревоги. Виной тому могут быть последствия практически смертельных ударов по всему телу.

«Не хватало, чтобы это повторилось!» – удручённо закончил свои размышления Максим, не отрывая своего взора от окна, за которым светились редкими разноцветными огоньками окна из домов напротив. Уснуть во второй раз ему не удалось, поэтому он встретил майский рассвет, не покидая дивана.

Глава 5

– Инспектор Грачев, тут у нас два трупа. На первый взгляд, ничего необычного. Двое молодых темпераментных влюблённых ссорятся и убивают с равной успешностью друг друга. Пройдёмся в спальню. Осторожно, здесь паркет плохо прибит к полу. Я уже один раз зацепился за него.

Грачев молча последовал за младшим коллегой. Это было первое дело после отпуска, куда ему пришлось уйти после трагической гибели жены и дурацкой драки в баре, окончившей пьянкой в полном одиночестве. Отпуск длился около двух месяцев, и того времени хватило с лихвой для того, чтобы он сорвался бежать на работу.

– Только работа и отвлекает меня от грустных мыслей, – твердил он, сидя в кресле перед начальником после энного дня надоевшего отдыха, ставший для него сплошным мучением. Даже любимая рыбалка не приносила морального удовлетворения.

Тот не хотел допускать к работе овдовевшего подчинённого, но за время отсутствия столь талантливого полицейского дела в отделе шли не так, как хотелось. Венцом всех тупиковых дел стало обоюдное убийство некоей четы, которая прожила вместе более полувека. В муже, прислонившего к мойке, торчал кухонный нож. Попадание прямо в сердце с первого и последнего же удара. А жена, рядом лежащая, –

задушена супружескими руками. Для таких стариков – что-то совершенно непосильное, словно в их тела вернулась молодость, ловкость и сила. Даже если и допустить, что сил у них предостаточно, то как можно на последнем издыхании убивать своего же убийцу? Никто не мог найти этому логичное пояснение.

Никаких случайных свидетелей. Соседи утверждали, что тем вечером из их дома не доносилось никакого шума, неизбежно возникшего бы в ходе бурной ссоры. Про убитых говорили только то, что они всегда и всем демонстрировали свою любовь и привязанность друг к другу, тем самым вызывая восхищение и зависть. Неудивительно, что знавшие их заметно взбудоражились. Никто не мог поверить в случившееся.

«В тихом омуте черти водятся» – заметил кто-то из полицейских, который занимался опросом искренне шокированных соседей и родственников.

В спальне Грачеву предстала довольно малоприятная картина: девушка, будучи совершенно голой, сидела, точнее, лежала на точно так же обнажённом парне. На вид им было едва ли больше двадцати. Голова юноши с одной стороны представляла собой кровавое месиво – результат удара каменной статуэткой дракона. Дракон с залипшей кровью валялся на прикроватном бежевом коврикe.

Если смерть парня казалась очевидной: девушка в порыве страсти зачем-то стукнула по голове любовника, то что слу-

чилось с ней?

Бобров словно прочитав мысли Грачева, приступил сразу к краткого, но информативного рассказа о девушке.

– Она умерла от того, что по её сонной артерии прошлись лезвием. Судя по ширине и характеру раны – её убили поперезом ножа. Не позавидуешь ей... Тот хотя бы окочурился сразу, а она...

Грачев не удостоил комментариями иногда чересчур болтливому помощнику; вместо этого он подошёл к другой стороне кровати, и после того как Бобров поднял прядь волос, он увидел кровавый след на шее жертвы. Он тянулся огромными полосами до плеч и ниже по груди. Хотя кто из них жертва? Оба убиты – и оба убийцы.

– Можешь отпустить её волосы. – Махнул он рукой, потеряв интерес к ране. В другом случае он стал бы тщательно изучать каждую микроцарапину, прежде чем отдать тело в руки патологоанатома. Однако вспомнив об двойном убийстве пожилой четы, он тут же начал связывать оба случая. Что с ними произошло, что дело кончается именно так? Бывалого нельзя удивить после стольких лет службы: всякое доводилось видеть. Но подобная тенденция, а она таковой и является, считал Грачев. «Это ещё повторится» – заладил он про себя, не замечая растерянности коллеги.

– Ваши мысли по поводу увиденного?

– Это довольно странно. Те старики, что были убиты одновременно... Не мог бы ты мне напомнить детали?

Бобров, если и удивился внезапному интересу к заглохшему делу, то не показал виду.

– Если верить показаниям патологоанатома, то они умерли одновременно, насколько возможно при разных причинах смерти. В доме не нашлись следы посторонних. К ним домой мало кто допускался, не проявляли они особого гостеприимства. Если многие решили, что в доме творился какая-то чертовщина, а та пара не была хамоватой, просто не пускала за порог, то каково было разочарование, когда ничего подозрительного не было обнаружено. На ноже только их отпечатки, зато под ногтями мужа кожа с шеи его благоверной. Тогда к ним никто не заходил. Поэтому мы и приходим к единому выводу...

– И между ними ничего не происходило, так?

– Они друг в друге души не чаяли, по крайней мере на глазах у соседей и родных.

– Родные ничего не предполагают? Ну там, что их убили?

– Как ни странно, но они соглашались с официальной версией. Хотя они говорили, что не в силах понять того, что можно прикончить кого-то, будучи в хороших отношениях.

Больше Грачева ничего не интересовало в этом вопросе. Тем временем спальню освободили от трупов и взяли нужные улики вроде дракончика. Было обнаружено и второе орудие убийства. На раскладном ноже, принадлежавшему парню, лезвие было в крови. То, что его не сразу обнаружили, объяснялось тем, что оно оказалось между двумя те-

лами.

– Это они прямо во время соития сошли с ума? – спросил вслух самого себя Грачев, но Бобров не прошёл мимо этого вопроса.

– Иногда практикуется намеренное удушье партнёра, конечно, с его же согласия. Это вроде как усиливает ощущения...

– А ты практикуешь подобное?

Бобров залился краской до самых немного торчащих ушей. Грачев и раньше проявлял вольность в обращении с ним, но до интимной сферы пока не доходило.

– Ну, знаете, это касается только меня!

Грачев ослабился и похлопал по плечу смущённого помощника, который пытался делать вид, что делает пометки в блокноте.

– Хотелось бы, чтобы мне не пришлось совать свой нос в свою постель. Сам понимаешь.

Бобров мысленно досчитал до трёх и затем угрюмо пробормотал:

– Могу я продолжить?

– Валяй.

– Но эта пара не из тех, кто практикует БСМД. По крайней мере, мы не нашли даже жалких наручников. Не говорю уже о том, что никто не станет ради острых ощущений разбивать черепушки и резать сонную артерию.

Грачев задумчиво потёр тщательно выбритый подбородок

и хмыкнул.

– Похоже, мы можем поздравить себя с очередным «глухарем».

Бобров ничего не ответил и пошёл на выход из квартиры. Грачев постоял ещё немного в спальне, любясь только начавшим идти дождём из окна.

Глава 6

«Вновь! Это случилось вновь!» – лихорадочно мотал кадры на камере Максим. То, что он снял на камеру наблюдения, установленного после непонятной отключки, произвело на него гнетущее впечатление. Он спит с раскрытой книгой на груди. Сну не мешал даже свет, исходящий от лампы на тумбочке. Поскольку лампа не удостоилась чести быть под абажуром, то светила она довольно ярко.

И тут на пятой минуты сна Макс резко открывает глаза. Он не мигая, глядит в потолок. Затем следовало такое же скорое закрытие век и очередное падение в спячку. Никакого выключения лампы, даже книга продолжила гордое возлежание на том же месте. То есть, невнимательный зритель не увидит подвох.

Только с третьего раз Максима осмелился посмотреть, сколько длилось непонятное. Часы засекали 49 секунд. На прикроватных часах светило «23:09». Больше ничего нового не удалось выудить из снятого.

Чтобы сделать ничего не дающее открытие, ему пришлось ждать после установки камеры пришлось около трёх недель. Макс ежедневно по утрам тратил много времени, чтобы отсмотреть снятое за прошедшие вечер и ночь. Даже на перемотке это занимало не один час. После столь непонятного занятия он было решил, что дальше не стоит заниматься глу-

пой тратой времени. И вот оно! Опять отслеживать...

«А может, ну его?» – подобная мысль пришла из-за усталости и тревоги.

Но Макс решил, что не стоит забрасывать. Хотя бы ради того, чтобы убедиться, что то был не последний раз.

Лера по-прежнему таила на него обиду. Она полностью погрузилась в последний этап в учёбе, а Максим навёрстывал упущенное на работе, так что им обоим было не до друга.

Глава 7

– На этот вновь двойное убийство. Только теперь не влюблённые, а две подружки...

– Ну, может они были из тех, сам понимаешь, а ты уже поставил на них крест. Нельзя быть нетерпеливым к секс-меньшинствам, Андрей.

Бобров едва подавил в себе желание высказать всё, что он думает о глупых замечаниях на глазах у многих свидетелей и коллег, хоть и высказанных в шутливой форме. Даже сам шутник выговаривал со серьёзным лицом, словно дар смеяться не прилагался при раздаче ужасного чувства юмора. В конце концов, Андрей считал, что они на работе, а не на просмотре дурацкого фильма. Так что, он сделал вид, что не услышал очередные в кавычках остроумные выпады в свой адрес и продолжил:

– Одна умерла из-за удушья в воде, а другая – пока не определили от чего именно, так как на теле не обнаружено какого-либо следа, по которому мы можем определить причину. Предполагаю, что налицо некий хитрый приём из этих восточных единоборств, типа ударил в особую точку и нет человека, врага твоего. Правда, я никогда не верил в подобные штуки.

– Как всё сложно, особенно для двух молодых барышень. Грачев рассматривал каждую из них: одна – с копной

рыжий кудрей и бледной, но усыпанной веснушками, кожей возлежала затылком к мутной реке. Из одежды на ней был раздельный купальник яркого зеленого цвета. Покойная производила впечатление хрупкой статуэтки: тонкие длинные руки и ноги вкуче со худощавым туловищем без форм и изгибов.

Другая же – смуглая брюнетка маленького роста с короткими конечностями. Даже при её относительной худобе ей достались пышные формы, которые даже чёрный слитной купальник не мог скрыть. Задушенная как раз была вторая. На её шее виднелись следы с применением насильственного удушения.

– М-да, кто и когда их нашёл?

Андрей, не отвечая подозвал одного из патрульных. Тот, в свою очередь, после шёпота на ухо, привёл подростка лет 15. Его лицо выражало всю гамму эмоций, которую мог испытывать человек, впервые увидевший покойников воочию. Бобров указал парню на Грачева.

– Ну, рассказывай этому дяде всё, что ты видел и прочее.

Парень посмотрел на Боброва с мольбой, но тот остался бесчувственным к немой просьбе. Парень открыл рот, едва сохраняя иллюзорное мужество.

– Клянусь, я ничего не делал! Я нашёл их уже в таком состоянии...

– Ясно, парень из того окружения, в котором ходят легенды, что копы мечтают повесить преступления на невинных. –

Иронично заметил Бобров, не испытывая при этом удовольствия. – Забудь, нам ни к чему тебя сажать в тюрьму.

– Хорошо, я гулял со своей собакой. Понимаете, если есть собака, то её надо выгулять ранним утром, туалетные потребности никто не отменял...

– Говори по сути и кратко. – Кротко попросил Грачев, не испытывая желания слушать про собачьи дела.

– Вот гуляю я со собакой по пляжу...

– Ты, что водишь её на пляж спускать нужду? – прервал Бобров парня, ощутив едва контролируемый порыв дать ему по шее.

– Нет, я вёл домой, не подумайте ничего такого! – Воскликнул горячо парнишка, закусывая губу. Его широко распахнутые глаза глядели на Боброва в упор. – Она отбежала от меня. Я бежал за ней, и увидел её возле этих... – на этих словах по телу мальчишки прошла мелкая дрожь. – Они так и лежали здесь, собака ничего не трогала. Как и я. Я побежал домой, с силой уводя собаку. Мама позвонила в полицию, и всё...

– Да, вызов поступил в семь двадцать три. – Пробормотал Андрей, листая свой блокнот.

Грачев ещё раз поглядел на ошарашенного парня.

– Ты свободен. Молодец, что сообщил о находке.

Парень ничего не сказал, но кивнул. После чего направился в свою сторону. Грачев вновь стал внимательно изучать трупы.

– Так никаких улик не обнаружено?

– Совершенно никаких.

– Знаешь, что странно? Вода-то не совсем тёплая для купания, а тут эти и в купальниках. А одежда, сумка, обувь где? Не удивлюсь, что они пришли сюда ночью, и уверен, что патологоанатом подтвердит мои слова.

– Возможно, они из тех, кто практикует закаливание. Или действовали на пьяную голову.

– А ты их обнюхивал на предмет перегара?

Андрей спрятал блокнот в плотную чёрную папку, служившую ему личным кейсом. Его лицо скривилось в гримасе отвращения.

– Нет, я к ним так близко не приближался.

Грачев удовлетворено хмыкнул: ему почему-то нравилось поддевать Боброва, и тот никак не мог выработать привычку сохранять хладнокровие.

Заключение от экспертов по трупам чётко чёрным по белому заявляло, что погибшие не были ни под каким-то наркотическим действием ввиду того, что ничего не обнаружено. Одна, как и было прежде очевидно, погибла от удушья. А вторая – из-за разрыва сердца, хотя если верить медицинской истории, её здоровью мог позавидовать любой. Препаратов, которые могли пагубно воздействовать на жизненно важный орган – также не выявлены. Что стало причиной – осталось тайной за семью замками.

Глава 8

Спустя месяц после загадочного открытия Максим окончательно убедился в том, что каждые три недели у него случается состояние анабиоза. Третий раз после выхода из больницы. С чем связать это состояние – он никак не мог понять.

Пойти к доктору и указать на странности его состояния? Он не видел смысла в этих визитах, так как здоровье не давало о себе знать тревожными звонками. Зато нельзя исключать шанс того, что его упекут на обследования... А там и в дом для душевнобольных. Слишком велика цена, когда тебе надо следить за сестрой. Он же обещал всему белому свету, что вырастит её и выведет в свет!

– Вчера опять произошло какое-то удивительное убийство. Двое застрелили друг друга, причём одновременно. Полиция в замешательстве... Они и те не раскрыли, только и делают, что чешут репу.

Макс вяло слушал новость из уст коллеги. Тот подсел к нему в столовой, куда ходили госслужащие из ближайших учреждений. Всё, что сейчас его волновало – как побороть в себе неконтролируемое. Как раз две недели назад он встретил девушку и начал с ней встречаться. И меньше всего ему хотелось, чтобы она становилась свидетельницей того, чего не надо видеть. Тем более, чего он сам и не знает, как и ещё объяснять это. Лера, кстати, до сих пор убеждена, что над

ней жестоко пошутили, в чём никто в обратном не стал уверять. Не следует её таким грузить.

«Хорошо, что я заметил закономерность. Может, я могу обернуть это в свою пользу...» – начал успокаиваться он, но тут же не прекращающий словесный поток коллеги заставил прислушиваться к нему.

– Это уже четвёртый случай. И самое невероятное: эти убийства происходят почти каждый месяц, не больше и не меньше... – слово «убийства» болтливый сослуживец произнёс со зловещим тоном, чему не мешал даже смачно откусанный кусок сэндвича, прихваченного из дома.

Лоб Максима покрылся мелкой испариной. Он был уверен, что не имеет к ним никакого отношения, но что-то заставляло его нервничать.

– Ого, ты что-то подурнел на глазах. Гляди, в обморок грохнёшься, как барышня в кринолине.

– Прости, мне и в самом деле нехорошо.

Максим тут же покинул столовую, уже наполовину опустевшую. Ноги, став ватными, едва слушались его. Его путь пролегал в мужской туалет, где он окунул голову под кран с холодной водой. Ему полегчало, но не надолго. Всё, что он надумал – это дома посмотреть в интернете все детали и закономерности тех четырёх убийств. Для совпадения слишком просто.

– Привет, Макс! Мы с Лерой тебя заждались! – услышал он с порога радостный голос своей девушки.

– Привет, Милена! Простите, надо было кое-куда съездить.

Милена, не ответив, нежно поцеловала его в губы. Лера сделала вид, что не видит этого и достаёт из духовки запеканку, которую не раз за вечер разогревала к его приходу. Только Милена могла немного отвлечь Максима от горьких мыслей, что постоянно им овладевали. А уж после сегодняшнего – и подавно.

– Как твои успехи на работе? – спросил он Милену, чтобы предупредить поток вопросов в свой адрес. Ему совершенно не хотелось врать и выдумывать на ходу. Работа после обеда не ладилась: рабочие не так поработали с бетоном, который в итоге не застывал, и он с печалью и злостью следил за исправлением досадной ошибки.

– Отлично! Меня повысили в должности за усердие и трудолюбие. Видели бы глаза тех офисных куриц, которые претендовали на моё место! Я уж решила, что меня сожгут на месте. Настолько недобро косились в мою сторону.

Мимо внимательного взгляда Макса не прошло незаученным то, что глаза Милены оставались такими же потухшими. Девушка при нём не раз себя корила, что бросила свою мать, а та вскоре погибла. Определённо, ей хотелось, чтобы всё было иначе. Так что, радость оказалась напускной.

– Поздравляю, ты – большая умница! – отметил Максим, и после небольшой паузы, снова спросил, – Ты звонила ему? Подразумевалось упоминание именно её отца, с которым

Милена не стремилась поддерживать отношения с тех самых пор, как узнала об ужасной гибели матери. Ей казалось, что и на нём лежит большая ответственность за преждевременную смерть жены. Хотя не было доказательств, что мать совершила самоубийство или что её убрали из-за желаний отомстить Грачеву за столь рьяную отдачу своей работе.

– Нет, и не испытываю желаний.

Атмосфера за столом испортилась, в чём Макс заслуженно упрекал себя. Зная об упрямстве Милены, он мог бы не напоминать. Вдобавок запеканка потеряла вкус, и выражение лица Леры ясно давало понять, что она сердита на брата за опоздание к ужину. Ещё один уголёк в топку обиды.

После ужина Макса вызвался проводить Милену до дома, который она снимала с тремя девушками-ровесницами. Ему по-прежнему не давало покоя ее прохладное отношение к собственному отцу.

– Милена, ты же знаешь, что мы с Лерой несколько лет как сироты. И мне так не хватает родителей...

– Мне тоже не хватает мамы. Всё-таки мы плохо общались в последние разы. Она ужасно восприняла новость о желании жить своей жизнью. Для неё я всегда оставалась маленькой беззащитной девочкой.

– Но у тебя есть отец, за что ты так с ним?

Милена так закатила глаза, что едва не упала, споткнувшись о бордюр.

– Опять ты начинаешь! Я не хочу говорить о нём!

– Но ты же несправедлива к нему! Смотри, чтобы ты не пожалела об этом потом, как сейчас – после гибели матери.

– Да? А почему он допустил маминой гибели? Нет, для меня он уже умер.

– Милена!... – начал было Максим, но та уверенным жестом остановила его. Она ему слишком нравилась, чтобы он продолжал перечить.

– Знаешь, дальше я пойду сама. Спокойной ночи.

И она ловко увернулась от его объятий и быстрее посеменила в свою сторону, игнорируя его прощальные слова вдогонку.

Его озадачила такая реакция на едва начавший разговор. Затаить глупую обиду на единственного живого родителя – было выше его любых пониманий. Он стоял на том же месте, следя за торопливой походкой Милены. Вскоре она скрылась, и он постояв дополнительных пять минут, развернулся обратно.

Дома он вспомнил, что собирался поискать информацию о том, что сегодня узнал. Благо, Лера уже давно спит в своей комнате, и ему никто не помешает.

Этому вечеру суждено было стать для него бесповоротным пунктом.

Глава 9

– Захар, помоги мне, пожалуйста, в одном очень важном деле.

Захар непонимающе уставился на Максима. Хоть дружба между ними длилась с самых пелёнок, но просьбы о помощи доводилось слышать практически никогда. Уж такова натура Макса, повзрослевшего раньше времени. И речь шла не только о периоде после пожара.

– Да, чем могу услужить? – ответил он, усевшись поудобнее в своём кожаном мягком кресле. Они сидели оба в его кабинете, на дверях которого красовалась табличка о том, что приём ведёт психотерапевт. Так что первой мыслью была: «Он, наверное, решил, что крыша едет».

– Ты же в курсе, что я был на грани между жизнью и смертью? – когда тот кивнул, Максим продолжил, будучи не вполне уверенным в том, что правильно поступает, решившись выложить всё подчистую даже самому лучшему другу. – И это неизменно влияет на... сам понимаешь.

– Понимаю, куда ты клонишь. Да, те, кто пребывал в коме или даже умирал на какое-то время – позже описывают на то, что у них проблемы, – и Захар указал пальцем на свою голову.

– Мне сложно об этом говорить, ни с кем я ещё не делился подобным. Даже с Лерой, незачем ей знать об этой стран-

ности.

Захар придвинулся поближе, положив локти на стол. Одной рукой он подпёр подбородок с постриженной рыжеватой бородой.

– О какой странности?

– Ну, это случается раз в месяц... Точнее, раз в три недели.

– В чём это проявляется? У тебя же не женская особенность? – заёрзал на месте Захар, когда тот замолчал и не продолжал долгое время в рамках получасового приёма. На устах мелькала улыбка.

– Тьфу, нет, конечно! Тут совершенно уникальный случай. Неважно, что я делаю: сплю или сижу перед телевизором, неизменно на меня нападает оцепенение, и потом я не помню, что со мной происходило в тот момент.

Захар решил не вытягивать подробности из Максима, понимая, что тот коль решил о таком поведать, то расскажет всё.

– Лера застала меня в таком ступоре, который случился со мной впервые. Она описала это как остекленевший взгляд, отсутствие дыхания и реакции. Вроде лежу как труп с открытыми глазами, но потом прихожу в себя. Она тогда так перенервничала.

– И это повторилось, как я верно понял? Но как ты это проверял? Неужели поставил сестру следить за тобой?

– Нет, я поставил видеонаблюдение.

В глазах Захара пронёсся огонёк не то восхищения не то веселья, но привыкать ли ему работать с маленько необычными пациентами. Казалось, даже в друзьях он подозревал психические недуги. Но им полагалось, что на нём сказывается профессиональная деформация, не стоящая серьёзного внимания.

– И там ты запечатлён истуканом?

– Да, целых несколько раз. Я обнаружил закономерность, и теперь убрал камеру. Я достаточно увидел. Однако меня интересует больше не то, как это выглядит. Я собираюсь жениться в недалёком будущем, а значит...

– Мои поздравления! Семья – это прекрасно!

– Да, но я не могу признаться своей возлюбленной, что у меня не все дома.

– Ой, никто не без странностей! Уверяю, даже у неё наверняка найдётся скелет в шкафу.

– Но я хочу знать природу этого, и чем это дальше обернётся!

– Так ты хочешь, чтобы покопался в твоём мозгу, что ли?

– А зачем я, по-твоему, пришел к тебе? – Макс начал уже закипать, настолько его нервировало наигранное тугоумие друга.

– Ладно. Я так понял, до избиения ты таким не страдал. Врачи не говорили что-то про проверку мозга?

– Захар, ты принимаешь меня за идиота? Я проверялся ещё перед самым визитом к тебе. Всё в порядке, что доволь-

но странно.

– Ты думаешь, что я в состоянии пролить свет?

– Иначе я не пришел бы к тебе.

– Признаюсь, я несколько обескуражен. Так каковы твои предположения?

– Я думаю, что было что-то, что память благополучно стёрла. И это тем не менее влияет. 49 секунд – каждый раз, почти каждый месяц...

– Ты предлагаешь провести над тобой гипноз?

– Почему бы и нет? Я думаю, что мое подсознание что-то таит.

Захар встал со своего рабочего места, чтобы пройти перед окном. Иногда он останавливался, чтобы поглядеть на шумный проспект с высоты птичьего полёта. Затея Макса ему пришлась ему не по душе, как и его – дать отрицательный ответ. Дружба, как оказалось, не всегда про приятное времяпровождение на барбекю по выходным.

– Ладно, но не сегодня, у меня ещё полно пациентов на очереди. Сейчас скажу, когда ты можешь прийти...

Захар взял со своего стола пухлый блокнот, страницы которого были исписаны практически вдоль и поперек.

– Так, ты можешь прийти через две недели.

– Нельзя ли пораньше? – Максим не старался скрывать своего разочарования.

– Слушай, я и так принял тебя после работы, как друга. Неужели ты предлагаешь мне бросить всё и заняться тобой?

– Я не хотел тебя грузить, прости. Но мне правда очень нужно разобраться со всём этим. Как можно скорее. Мне и так тяжело далось...поведать о моём секрете.

– Насчёт этого не переживай, он останется между нами, врачебная этика, как никак.

Захар рассчитывал на понимание друга, которого он не видел год. Однако тот не торопился покидать его кабинет. На часах пробило семь вечера, жена точно не одобрит его опоздание на праздничный ужин по поводу трёхлетия их единственной дочери.

– Максим, мне нужно спешить! Если ты уж так настаиваешь на своём, то я на днях позвоню тебе и мы что-нибудь решим. Договорились?

Тот, заметно повеселев, молча кивнул и пожал протянутую руку Захара. Друг, который, возможно, решит его судьбу.

Глава 10

– Итак, Макс ложись на свою кровать и расслабься. – Монотонно бормотал Захар, осматривая аскетично обставленную спальню друга. Ничего особенного, но в глаза бросалась уж чересчур минималистичная обстановка. Помимо кровати, здесь стояли свободная наверху тумбочка и шкаф. Никаких ковров, картин, даже штор и тех не было.

Не только спальня друга не изобиловала излишками в интерьере, точнее, как раз наоборот. Захару становилось неуютно в этой квартире, больше напоминающую съёмные апартаменты. Отели и то более уютные.

Стоял ещё светлый вечер: времени было около пяти. В это время Лера как раз проводила своё время на тренировках по лёгкой атлетике. Так что им никто не помешает.

– Макс, я досчитаю до пяти и тогда ты впадёшь в транс. Кодовое слово «отбой». Ещё раз, ты точно этого хочешь?

Макс, закрыв глаза, едва прошептал «да».

– В таком случае, представь себе, что ты лежишь на берегу бесконечного океана, но спокойного. Волны отбрасываются плавно, и лишь чайки покрикивают издали. Дует ласковый тёплый ветер. В небе светит яркое солнце, освещающая горизонт. Твои веки тяжелеют, дыхание замедляется... Твоё тело расслаблено... Один... два... три... четыре... пять!

Захар замолчал, чтобы приступить к следующему этапу,

чего ему не совсем хотелось делать.

– Максим, что с тобой случилось 24 апреля?

Голос Макса зазвучал так низко и неспешно, что казалось, что слышится голос из загробной жизни:

Я проводил вечер после работы в баре. Его название носило «Три отвёртки». Я выпил три рюмки водки... Потом я пошёл на танцпол, закадрить понравившуюся девушку. Там же меня заметил её парень... Он начал ко мне приставать, и я в ответ начал ему дерзить. Он подозвал своих двух дружков. Далее они меня вывели на улицу. Я пытался оторваться и защищаться, но ничего не получалось...

Друг сидел рядом на табуретке и присматривался к Максиму. Его тело всё ещё оставалось спокойным, словно он рассказывает о бытовой чепухе.

– Меня начали бить. Все трое. В моем рту появилось ясное ощущение вкуса собственной крови... Заболело всё. И тут перед моими глазами появился пистолет, уставленным на меня дулом. Палец на спусковом крючке принадлежал, конечно же, тому ревнивцу. Потом что-то сильно заорало, и они убежали... И меня накрыло.

– Хорошо, дальше ты потерял сознание. Дальше что-то можешь припомнить?

– Дальше я просыпаюсь и вижу обеспокоенное лицо сестры.

Захар недовольно ухмыльнулся. Это он знал и без гипноза, и всё благодаря детальному описанию перед самим гип-

НОЗОМ.

– Максим. Постарайся вспомнить что-то промежуточное. Ты видел что-то ещё?

Вдруг спокойствие покидает лицо Максима: лоб покрывается мелкими каплями пота, а щеки – заалели. Голос, вырвавшийся из его рта, отличался от привычного:

– Сын, просыпайся, мы горим!

После этих слов Максим присел и начал нащупывать ногами домашние тапочки. Захар прогнал от себя внезапный ступор и схватил его за плечи.

– Просыпайся, Макс! Отбой! Слышишь? Отбой!

Макс не спешил успокаиваться и открывать глаза, от чего сердце Захара застучало с бешеной скоростью. Не хватало ещё, чтобы сегодня кто-то умер на его глазах.

– Отбой! – голос предательски срывался, и наконец-то за-гипнотизированный открыл глаза. Он выжидающе посмотрел на перепуганного Захара. У того дрожала нижняя губа.

– Что? Тебе удалось что-то вытащить из недр моей памяти?

Захар устало снова сел на табуретку, проклиная свою тягу творить добро.

– Нет. Ничего нового ты не сообщил, но под конец стал кричать что-то про сына. Ты, видимо, цитировал своего отца.

Максим не мог оценить масштабы своего разочарования. Почему именно это вылезло вновь? Мало ему ночных кош-

маров, так ещё и гипноз сорвался.

– Может, стоит повторить?

Захар вскочил, и вопреки попыткам Максима остановить его, побежал на выход, хватая свои вещи: сумку и синюю кофту с длинными рукавами.

– Знаешь, я изначально посчитал это напрасной затеей, в чём сейчас и убедился! Если ты был всё время в коме, то ничего ты не можешь выудить из памяти, так как нечего отсюда выуживать!

– Дай мне второй шанс!

– Нет, я не хочу довести тебя до разрыва сердца. Ты послушайся моего совета: сходи и полечи головушку. У тебя душевная травма не прошла, и это не проходит для тебя бесследно. – И Захар, не попрощавшись побежал вниз по лестнице, не глядя на Максима, в чьих глазах отражалась неугасшая надежда вкупе с мольбой.

Глава 11

– Милена, привет! – подошёл Грачев к дочери, которая на этот раз не старалась увильнуть из поля его зрения. Она стояла у входа в ресторан, куда её пригласил Максим на очередное свидание.

– Привет, отец. – Без эмоций ответила она, поглядывая на наручные часы – подарок от того же Максима. Он вручил их ей на четвёртом свидании. Пять дней назад они впервые поссорились из-за разговора о родителях. Поэтому она пребывала в сильном волнении. И надо же, «яблоко раздора» вовремя появился на горизонте!

– Как дела? Что нового в твоей жизни с тех пор, как... – Грачев, будучи бесцеремонным и острым на язык при коллегах, испытывал непонятную робость перед дочерью. И ведь немудрено: её отношение к нему причиняло ему боль. Но он не знал, почему она так поступает с ним. Они в последний раз стояли так близко на похоронах Сары, и тогда она не удосужилась с ним поговорить. Да, он для вида противился её уходу в самостоятельное плавание, так как поддерживал Сару. Однако в глубине души он опасался худшего. Милена не стала разбираться в истинном отношении отца, и уходила от родителей, держа зла на обоих. Только это могло как-то объяснить равнодушие Милены к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.